

Между тем, Чехён, и сегодня как обычно пивший после работы в баре на первом этаже, удивился, что вестибюль зашумел. В будний вечер, не в пятницу, было тревожно пусто. Чехён позвал бармена, занятого проверкой запасов.

— Эй.

— Да?

— Иди посмотри, что там происходит, и доложи.

Хоть слова "если интересно, идите посмотрите сами" подступили к самому горлу, бармен, простой наёмный работник, не мог сказать их Чехёну, финальному боссу этого отеля, и, ворча, вышел в вестибюль. А затем в спешке вернулся и выплюнул Чехёну слова упрёка.

— Президент, вы что-то натворили. Быстро идите посмотрите.

— Я? Я в последнее время ничего не натворил?

Чехён был искренен. В последнее время ходил на работу каждый день, пил почти только в отеле и гулял почти только в клубе в подвале отеля. Из-за этого не было особого повода для происшествий. Обычно происшествия, которые устраивал Чехён, это выпить и кого-то побить или первым начать ссору, но в этом отеле сотрудники и охранники клуба сами первыми прикрывали его своими телами, так что слова Чехёна были не совсем неправильными.

— Там какой-то гость вас ищет и страшно рыдает?

В голове Чехёна возник огромный вопросительный знак. За тридцать лет жизни никто ни разу не искал его с плачем. А, кроме матери. Мать Чехёна, когда Чехён устроил происшествие в старшей школе и впервые был доставлен в полицию, пришла с плачем. Правда, это были слёзы не удивления и беспокойства, а слёзы гнева. В любом случае, за исключением того раза, он никогда не видел, чтобы кто-то проливал слёзы из-за него.

— Не мошенник?

— Откуда мне знать.

Бармен пожал плечами.

— Похоже, вам нужно быстро пойти. Сотрудники на ресепшене в полном замешательстве.

Раздумывая, что делать, Чехён встал с места, чтобы увидеть благодарное лицо, которое плачет ради него, пусть даже это притворство. Чем ближе подходил к вестибюлю, тем громче становился гул. Думал, что там громкое рыдание, но партнёр, скрытый за сотрудниками и плохо видимый, похоже, только всхлипывал. Сквозь щель мелькала какая-то знакомая деревенская клетчатая ткань.

— ...Президент!

Один из сотрудников, стоявших поблизости, первым заметил Чехёна и произнёс отчаянным голосом. Но это выражение лица было не трогательным выражением человека, увидевшего спасителя, а полным обиды. Словно говоря: разве ты не можешь немедленно исправить то, что натворил?

Только тогда Чехён заметил сильно согнутую, мелко дрожащую спину. Услышав, что кто-то

плачет, невольно представил чистую и хрупкую девушку, но неожиданно это был крепкий мужчина.

— В чём дело?

Чехён максимально вежливо спросил у сотрудника. Нельзя было показывать гостям образ президента, который хамит сотрудникам в присутствии клиентов. На голос Чехёна голову повернули не только другие сотрудники. В момент, когда плачущий гость поднял голову, сердце Чехёна ухнуло вниз. Почему этот чёртов извращённый ублюдок опять здесь?

— Ха, вот это да.

Чехён, обалдев, выпустил возглас и одновременно подумал, что залитое слезами лицо Сану действительно в его вкусе. Сану, увидев Чехёна, повернулся и крепко схватился за штанину Чехёна. Ещё всхлипывающие от плача плечи прерывисто дрожали.

— Ты же сказал, что больше не придёшь сюда.

На угрожающе звучащий низкий голос Сану изо всех сил покачал головой.

— Хозяин... Хик, президент, извините... Помогите мне хоть раз...

Сотрудники, присевшие рядом с Сану, тоже были ошарашены. Точно думали, что президент виноват, а гость просит прощения!

— В чём помочь?

Густые брови Чехёна нахмурились. С самого начала они не были в таких отношениях, чтобы помогать или не помогать. Деньги? Дважды, нет, если по дням - два дня, а если по разам - точно больше пяти раз сосал и обидно, что не получил денег?

На вопрос Чехёна Сану искоса оглянул окруживших его людей. Как ни будь не в себе, но трудно было перед таким количеством народа сказать "дайте хоть раз пососать член".

— Здесь... мне трудно об этом говорить...

Раздумывая, не выгнать ли его, Чехён молча смотрел сверху на совершенно съёжившегося и не находящего себе места Сану. Говорил не приближаться к этому отелю даже близко, и сам согласился. Даже после того как дважды пососал член, исчез, спокойно взмахнув рукой, словно больше не увидятся. Хоть и понимал, что правильно было бы немедленно выгнать и внести в чёрный список, этот приказ не так легко слетал с губ.

Тайное ожидание согрело нутро Чехёна. За исключением того, что это мужик, лицо в его вкусе, и сосёт его член, говоря, что вкусный, хотя все остальные в ужасе убегают. Что делать? Раздумывая, Чехён в итоге отдал предпочтение руке похоти, которую должен иметь любой самец.

— Для начала вставай. Пойдём в кабинет президента, там договоришь.

На эти слова лицо Сану заметно посветлело. Не зря был фильм на десять миллионов зрителей. Та фраза, что отсутствие плана - самый совершенный план. Надо вытатуировать на теле и сделать девизом на всю жизнь! Вопреки обрадованному настроению истощённое от голода тело бессильно и шатко поднималось. Добрые сотрудники поддержали это тело, опасаясь, что

невменяемый гость упадёт.

Оставшись в лифте наедине с Чехёном, Сану продолжал часто сглатывать слюну. С какого-то момента странно распространяющийся сладкий запах был невыносим. Хотелось немедленно броситься и съесть, но, едва держась за тоненькую ниточку разума, придал сил ногам.

Живот безумно урчал. Примерно каждые десять секунд издавал громкие звуки, из-за чего Сану пришлось выдержать взгляд Чехёна, смотрящего как на сумасшедшего. С самого начала был сумасшедшим, так что и сказать было нечего.

Двери лифта открылись на десятом этаже, и Сану, чтобы догнать быстрые шаги Чехёна, не проявляющего ни капли внимания, шёл семенящими шагами. Когда открылась тяжёлая на вид деревянная дверь в конце коридора, Чехён кивком головы показал Сану быстрее входить. Вот это да, даже дверь открыл, и Сану, не зная, куда себя деть, робко вошёл внутрь.

В просторной комнате был и письменный стол, и диван, мест для сидения было полно, но бессердечно, не говоря сесть, Чехён молча стоял, скрестив руки, и смотрел на Сану.

— Теперь говори.

От саркастичного тона Сану, отбросив и самолюбие, и всё остальное, быстро опустился на колени. Оба кулака положил на колени и, полный мольбы, смотрел снизу вверх, и Чехён ждал, что скажет Сану. Думал, что ответить, если попросит одолжить денег. Мысленно подсчитывал, сколько стоит назначить за один раз, чтобы сошлось. От всё более густеющего сладкого запаха у Сану закружилась голова.

Час назад выбежал из гей-бара, сказав, что ни за что не сможет сосать, а теперь приходится молить, чтобы дали пососать. Но другого способа не приходило в голову.

— Президент. Дайте мне ещё раз поесть... нет, пососать, пожалуйста.

— Что?

Решительный голос Сану привёл Чехёна в замешательство. Не деньги, а дай пососать? Хорошо знал, что извращенец, но не думал, что до такой степени. Тогда получается, пришёл, плакал и устраивал истерику, чтобы хоть раз ещё взять в рот его штуку? Опешив, Чехён молча смотрел на Сану. Выражение лица было предельно уверенным и серьёзным, это не была шутка.

— Ты правда сумасшедший?

— Нет. Но мне правда нужно пососать.

Не кокетничает и не обнимается. Как ни собирался с этой мыслью привести его сюда, от полной решимости позиции Сану у Чехёна напрочь пропало сексуальное желание. Чувствовал себя какой-то секс-машиной для члена.

— Ты... Ты сам захотел бы, чтобы тебе отсосал парень, который ревет в три ручья?

От смущения даже слова не шли как надо. Сану тоже подумал, что это правильные слова. Быстро вытерев слёзы и сопли краем рукава, Сану снова с трагическим выражением посмотрел снизу вверх на Чехёна. От этого лица Чехён тихо вздохнул.

— Давай хоть узнаю причину, почему я должен участвовать в твоих извращениях.

Причину? Сану оказался в затруднительном положении. Дело в том, что я по генетическим особенностям инкуб. С женщинами не встаёт, так что умираю от голода. Но странно, когда ем сперму президента, живот наполняется. Других не могу взять в рот, но ваш хоть как-то могу. Поверит ли, если так скажу?

Сану глубоко вздохнул. Вряд ли поверит. Если только не потащат в психиатрическую больницу прямо сейчас.

— Дело в том... Это... Если я не буду есть сперму, я умру от болезни...

Это была не совсем ложь. Куда делось прежнее решительное выражение лица, Сану осторожно говорил, оглядываясь по сторонам. Хоть Чехён и хулиган, но не настолько дурак, чтобы поверить в эти слова.

— Не носи чушь.

Если бы сказал, что не может забыть вкус его члена, хоть и сказал бы "фух, извращенец", но хоть кивнул бы.

— Может, просто закроете на это глаза...?

Если подумать, лицо действительно осунулось и выглядело больным. В первый день был сильно пьян, так что не понял, а во второй раз встретились в таком тёмном месте, что не разглядел.

Глядя сейчас, под ввалившимися глазами черно, цвет лица бледный – точно похож на больного. Но, видимо, из-за хорошей внешности, был похож на болезненную красавицу. Если смотреть только на лицо. Широкие плечи ниже шеи были мужскими.

— Хм...

Когда Чехён молчал, не говоря ничего, Сану заволновался. Ощутимо распространявшийся сладкий запах теперь ослаб.

Но странным образом, отдельно от голода, низ живота постепенно напрягался. Страшно выглядящий мужчина перед глазами казался таким вкусным, что во рту постоянно скапливалась слюна, готовая потечь. Сану невольно, пристально глядя на большой член, контур которого проступал сквозь брюки, высунул язык и облизнул губы.

В этот момент сладкий запах резко ударил в нос. Удивлённо подняв голову и посмотрев на лицо Чехёна, Сану несколько раз моргнул большими глазами. Слабо наложенная на страшное лицо улыбка заставила член Сану ещё сильнее встать. Что это? Сану тоже растерялся. Знал, что при встрече с этим мужчиной член реагирует, но вот чтобы эрегировать только от взгляда на лицо.

В момент, когда Сану, не отрываясь глядя на свой член, облизнулся, в Чехёне снова разгорелась похоть. Живо вспомнил, как тот красный язык брал и сосал его штуку. Какой бы ни была причина просьбы дать пососать его член, Чехёну теперь было всё равно. И у Чехёна не было морали не делать странные вещи в офисе. Когда перед глазами дыра, куда засунуть член, да ещё и отсосут бесплатно без всяких условий, отказываться – вот это тупость.

Чехён поднёс руку к ремню костюма. Золотой логотип Н с щелчком раскрылся в сторону, и молния медленно опустилась. Когда вытащил наполовину вставший от ожидания член из раскрытой молнии, глаза Сану заблестели. Вот оно. Настолько вкусно выглядящая добыча, что всё равно, чей это член, настолько, чтобы забыть достоинство и сексуальную идентичность и

броситься - вот это и было то самое.

Глядя на Сану, не отрывающего глаз от промежности, Чехён усмехнулся. Хоть и не знал, кто он такой, но, похоже, правда любит его член. Взяв одной рукой полностью обнажённый член и слегка потряхивая, Чехён наблюдал, как Сану, словно заворожённый, пополз к нему.

— Погоди.

Голову Сану, приближающегося с полуоткрытым ртом, Чехён крепко схватил свободной рукой. Не в силах взять в рот добычу перед глазами, Сану не находил себе места. Уже давно потерял рассудок от сладкого запаха. Желая быстрее положить в рот, Сану, сопротивляясь силе руки, сжимающей его голову, изо всех сил старался ползти вперёд.

— Если не будешь сидеть спокойно, уберу обратно.

На угрозу Чехёна Сану наконец остановил тело, которое пытался протолкнуть вперёд.

— Хочешь пососать член?

Ах, какой очевидный вопрос. Голова Сану кивнула. Улыбка Чехёна углубилась. Чем больше, тем более густо и весомо распространялся сладкий запах, и Сану, казалось, сходил с ума.

— Есть условие.

— Какое...?

Сану поднял голову и молча посмотрел на Чехёна. Лицо, полное желания, показалось почему-то милым, и Чехён опустил руку, крепко державшую голову, и потёр большим пальцем мягкие губы.

Наконец решив покапризничать, Сану медленно взял в рот коснувшийся губ палец. Нежно щекоча кончик аккуратного ногтя языком, смотрел снизу вверх на Чехёна с мольбой. Дай уже пососать, пожалуйста.

— Один раз пососёшь, а потом скажешь настоящую причину. Тогда дам съесть ещё.

Ой. Сану немного растерялся. После того как один раз пососёт, сядет в частную скорую психбольницы? Этого не хотелось. Когда Сану заколебался, рука Чехёна, державшая половой орган, задвигалась. От сгущающегося сладкого запаха Сану закрыл глаза и задышал прерывисто. Терпение тоже имело предел.

— Надо ответить. Тебе же нравится. Есть сперму.

Когда вытащил палец изо рта Сану, слюна потекла следом. Если сейчас неправильно ответить, казалось, правда ни разу не дадут поесть.

— ...Да, скажу.

В итоге Сану пришлось послушно ответить. Одновременно с ответом горячая плоть потёрлась о губы. Взволнованный Сану открыл рот, пытаясь взять в рот и потянуться за ним, но Чехён не собирался легко дать. Когда членом в руке круговыми движениями потёр нежные губы Сану, вырвался стон, полный недовольства.

— Ммм...

— Умница.

Большая и твёрдая кормушка, распространяя вкусный запах, беспорядочно тёрлась о лицо Сану. И по прямому носу, и по слегка свёрнутым ресницам, и по запёкшимся от голода щекам – везде интенсивно потёрлась. Разозлённый Сану в итоге поднял руки, схватил ствол члена Чехёна и засунул в рот толстую головку. Сверху послышался тихий смех.

— Понадобится больше тренировки.

Смысл этих слов не дошёл до головы Сану. От добычи, взятой в рот после десяти дней, Сану потерял сознание. Желая быстрее наполнить живот, втянув щёки, изо всех сил всасывал то, что вошло в рот.

Ах, ещё говорил использовать язык и руки. Сану обеими руками схватил член и засунул максимально глубоко. Чтобы не упустить ни капли вытекающей сладкой пищи, скомканным из-за огромного члена, наполнившего рот, языком насильно ткнул в отверстие уретры.

— Ха...

Сколько ни делал, всё без толку и не улучшается, только грубая техника, но словно во рту спрятан афродизиак, едва засунул – сразу накатывало чувство, что сейчас кончит. Не понимая желания Сану быстрее употребить пищу, Чехён, чтобы отсрочить эякуляцию, начал самовольно медленно двигать бёдрами.

Кончиком члена тёр бугристое нёбо и, слегка изменив угол, тёр и мягкую внутреннюю поверхность щеки. Как бы широко ни открывал рот, словно его тесно для вместительности члена Чехёна, слегка касающееся твёрдых зубов ощущение захватывало дух.

Из-за раскрытия до предела по уголкам рта Сану текла слюна. Сану быстро пальцем вытер слюну, текущую по подбородку, и старательно размазал по части, что не помещалась во рту. Когда Сану придал сил руке и выжимал корневую часть члена, наконец из длинной, как размер члена, дырки хлынула сладкая жидкость.

Сану быстро отвёл голову назад, держа во рту только головку, и смачно поглощал пищу. Одновременно с этого и с кончика напряжённого члена Сану потекла предсеменная жидкость. Возможность есть и кончать одновременно. Похоже, кончал столько, сколько ел, и Сану стало жалко. От радости и благодарности за давно не виденную пищу, а также от жалости, что напрасно растрачивается энергия без всякой пользы, навернулись слёзы.

— Плачешь?

Чехён растерялся, увидев, как из-за закрытых глаз Сану выдавливаются слёзы. Неужели мой член настолько вкусный? Настолько божественный вкус, что до слёз трогает? Хоть сам не пробовал, но сперма у людей должна быть одинаковой. Сану, заливаясь слезами, но усердно сосущий член, был просто умилителен. Казалось, правда можно было поверить в слова, что умрёт, если не будет есть сперму. Если это правда, то почему именно моя сперма? До этого и Чехён не знал.